

Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 2 (87). С. 28–40.
THE CASPIAN REGION: Politics, Economics, Culture. 2026. Vol. 2 (87). P. 28–40.

Научная статья
УДК 94
doi: 10.54398/1818-510X.2026.87.2.003

**ФОРМИРОВАНИЕ МИФА О «РУССКОМ РАБСТВЕ»
В ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ О РОССИИ XVI–XVII ВВ.**

Сорокопудова Ольга Евгеньевна¹, Степанченко Данил Андреевич²

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва,
Россия

¹o.srkpdv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7862-4903>

²stepanchenko.dan@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса формирования, распространения и закрепления мифа о «русском рабстве» в западноевропейских источниках о России XVI–XVII вв. Актуальность исследования обусловлена недостаточным вниманием специалистов-историков и политологов к данному вопросу несмотря на то, что данный тезис оказал значительное влияние на появление современной идеологии русофобии. Цель исследования – проследить процесс зарождения, развития и закрепления представлений о «русском рабстве» в западноевропейских произведениях указанного периода. Источниковую базу составили труды польских, немецких, итальянских, французских и других западноевропейских авторов XVI–XVII вв. В исследовании использованы общенаучные методы, а также методы историко-биографического, сравнительного, описательного, политико-текстологического анализа, позволяющие сопоставлять содержательные элементы источников с социально-политическим контекстом эпохи. В результате исследования была выявлена структура мифа о «русском рабстве», сформированного и тиражируемого в западноевропейских источниках указанного периода, а именно – наличие в нем двух смысловых компонентов, социально-экономического и политико-культурного. В подобном виде они были сформулированы С. фон Герберштейном, который внес значительный вклад в популяризацию мифа. В период Ливонской войны данный тезис стал инструментом политической пропаганды и был растиражирован авторами, стремившимися демонизировать Россию. В XVII в. миф был усилен новыми утверждениями о «природной рабской сущности» русских. Итогом исследования стало выявление устойчивости негативных схем восприятия России, ставших частью теоретической базы западноевропейской русофобии в последующие исторические периоды.

Ключевые слова: Россия, Западная Европа, рабство, русофобия, холопство, западноевропейские путешественники, XVI–XVII вв., мифы, пропаганда, С. фон Герберштейн, А. Олеарий

Для цитирования: Сорокопудова О. Е., Степанченко Д. А. Формирование мифа о «русском рабстве» в западноевропейских источниках о России XVI–XVII вв. // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2026. № 2 (87). С. 28–40. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.86.2.003>.



Это произведение публикуется по лицензии Creative Commons “Attribution” («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

**THE FORMATION OF THE MYTH OF “RUSSIAN SLAVERY”
IN WESTERN EUROPEAN SOURCES ABOUT RUSSIA OF THE 16–17TH CENTURIES**

Olga E. Sorokopudova¹, Danil A. Stepanchenko²

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
o.srkpdv@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-7862-4903>
stepanchenko.dan@yandex.ru

© Сорокопудова О. Е., Степанченко Д. А., 2026

Abstract. The article is devoted to the study of the process of formation, dissemination and consolidation of the myth of “Russian slavery” in Western European sources about Russia of the 16–17th centuries. The relevance of the study is due to the insufficient attention of historians and political scientists to this issue, despite the fact that this idea had a significant impact on the emergence of the modern ideology of Russophobia. The purpose of the study is to analyze the origin, development and consolidation of the concept of “Russian slavery” in Western European works of the period. The source base consists of texts by Polish, German, Italian, French and other Western European authors of the 16–17th centuries. The research uses general scientific methods, as well as methods of historical and biographical, comparative, descriptive, political and textual analysis, which make it possible to compare the substantive elements of the sources with the socio-political context of the era. The study revealed the structure of the myth of “Russian slavery”, which was formed and replicated in Western European sources of the specified period, namely, the presence of two semantic components in it, socio-economic and political-cultural. They were formulated by S. von Herberstein, who made a significant contribution to the popularization of the myth. During the Livonian War, this thesis became an instrument of political propaganda and was replicated by authors who sought to demonize Russia. In the 17th century, the myth was reinforced by new claims about the “slave nature” of Russians. The result of the study was the identification of the stability of negative perception patterns of Russia, which have become part of the theoretical basis of Western European Russophobia in subsequent historical periods.

Keywords: Russia, Western Europe, slavery, Russophobia, servitude, Western European travelers, XVI–XVII centuries, myths, propaganda, S. von Herberstein, A. Olearius

For citation: Sorokopudova O. E., Stepanchenko D. A. The formation of the myth of “Russian Slavery” in Western European Sources about Russia of the 16–17th Centuries. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture]. 2026, no. 2 (87), pp. 28–40. <https://doi.org/10.54398/1818-510X.2026.87.2.001> (In Russ.).



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Введение

XVI–XVII вв. – важная эпоха в истории отношений России и Западной Европы. Это период, когда две цивилизации вступили в активное взаимодействие, причем как в экономическом и дипломатическом, так и в военном плане. Именно тогда появилось множество европейских источников (путевых заметок, докладов, географических описаний и пр.) со сведениями о России. В подавляющем большинстве они создавали у европейского читателя крайне негативный образ далекой восточной страны, где правит царь-деспот и живут необразованные варвары-еретики. Важным элементом этого образа являлся тезис о «русском рабстве», который в XVI–XVII вв. стал восприниматься многими авторами сочинений о России как объективный факт. В рамках изучения процессов формирования идеологии русофобии, получившей на сегодняшний день широкое распространение в европейских СМИ, возникает необходимость более подробно проанализировать становление, развитие и закрепление мифа о «русском рабстве».

Следует отдельно отметить тот факт, что в исторической и политологической науке не было проведено отдельного исследования, посвященного данной проблеме. Существует множество работ, в рамках которых изучается более общий вопрос представлений иностранцев о России. Среди авторов XIX в. можно выделить Ф. П. Адельунга, собравшего в «Критико-литературном обозрении путешественников по России до 1700 г. и их сочинений» сведения о более чем ста различных европейских источниках о России [1]. В. О. Ключевский в работе «Сказания иностранцев о Московском государстве» также обращался к данной тематике; для настоящей статьи, впрочем, более значим другой его труд, посвященный существовавшим в России категориям зависимого населения [15].

В XX в. изучением вопроса занимались такие историки, как Ю. А. Лимонов и М. А. Алпатов. Первый выступил составителем трехтомного сборника «Россия

глазами иностранцев», который включает в себя как тексты путешественников, посетивших Россию в период с XV по XIX в., так и подробные комментарии, объясняющие содержание этих текстов [31–33]. Второй является автором трех работ под названием «Русская историческая мысль и Западная Европа», включавших в себя сведения о множестве иностранных источников различных исторических периодов, посвященных истории России [2–4].

Образ России в западноевропейских источниках XVI–XVII вв. рассматривается и современными исследователями. Т. Л. Лабутина концентрируется на англо-русских отношениях; в ее статьях и работах подробно анализируются труды английских авторов о России [19; 20]. Е. В. Ермасов изучает образ России в Германии, в частности сложившиеся исторические мифы о русских в немецкой печати [14]. С. В. Перевезенцев и А. Б. Страхов провели подробное исследование, посвященное истокам формирования идеологии русофобии в западноевропейских сочинениях рассматриваемого периода [25; 26]. Однако во всех вышеуказанных работах вопрос о «русском рабстве» затрагивался лишь косвенно, в рамках изучения образа России в целом.

Исторические источники, рассматриваемые в настоящей статье, были составлены представителями разных западноевропейских государств в период XVI–XVII вв. В частности, используются работы польских, немецких, итальянских, французских и других авторов. Подобная широкая выборка позволяет оценить распространенность мифа о «русском рабстве», его смысловое наполнение у представителей разных культур, а также проследить эволюцию данного термина во времени. Основным критерием отбора источников было наличие в тексте упоминаний о «рабах» или «рабстве» в контексте описания русского общества.

В настоящем исследовании используются общенаучные методы – анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение и т. д. Также применяются историко-биографический, сравнительный, описательный методы. Используется метод политико-текстологического анализа, под которым понимается комплексный, междисциплинарный вид аналитической деятельности, направленный на поиск, добывание, получение политической информации в существующих текстах, на ее сопоставление с конкретными историческими и социально-политическими событиями, общими тенденциями развития исторического и политического процесса.

Основная часть

До середины XVI в. упоминания о «рабском положении» жителей России появлялись сравнительно нечасто; его удалось найти только в двух источниках. Первый – мемуары бургундского рыцаря Гильбера де Ланноа (1386–1462 гг.), посетившего Россию в 1413 и 1421 гг. [16, с. 175]. Де Ланноа, говоря о жизни Новгорода, описывает такую практику: «В их городе есть рынок, где они продают и покупают своих женщин, поступая по их закону, мы же, истинные христиане, не посмели бы этого делать никогда в жизни. И обменивают своих женщин одну на другую за слиток или два серебра, как договорятся, чтобы они возместил разницу в цене другому» [6, с. 78]. Автор, таким образом, утверждает, что в Новгороде функционировал рынок рабов. Его слова отчасти можно связать с реально существовавшей практикой. Европейцы, употребляя слово «раб», зачастую имели в виду русский термин «холоп». Действительно, когда де Ланноа был в России, холоп считался собственностью своего хозяина и мог продаваться и покупаться как любое другое имущество [27, с. 144]. Однако в источниках нет сведений о том, чтобы в Новгороде, Москве или других русских городах существовали полноценные рынки холопов. Большинство российских исследователей также критически относятся к этому фрагменту мемуаров. В частности, П. С. Савельев считает, что Де Ланноа неправильно проинтерпретировал русский обычай выкупа невест [34, с. 31].

Второй источник – «Трактат о двух Сарматиях» польского историка Матвея Меховского (1457–1523 гг.). В главе о Московии он сообщает следующее: «Страна богата серебром и отовсюду охраняется стражей, чтобы не только рабы или пленные, но и свободные туземцы или пришлые не могли без княжеской грамоты

выйти оттуда» [22, с. 115]. Меховский более никак не поясняет слово «раб»; предположительно, он, как и де Ланноа, имеет в виду слово «холоп». Тут нужно отметить, что Меховский никогда не был в России и составлял свою работу на основе исторических источников и сведений путешественников [25, с. 76]. Причем, как утверждает Б. Н. Флоря, автор пользовался источниками середины XV в. и, следовательно, описывал реалии России того времени (а не рубежа XV–XVI вв.) [38, с. 55–61]. Так что приравнивание «холопа» к «рабу» еще в некоторой степени может иметь под собой основание – изменение их юридического положения в сторону расширения прав происходило уже ближе к концу XV в. (о деталях этого процесса будет сказано далее).

Однако важно принять во внимание тот факт, что произведение Меховского носило не столько исторический, сколько политический характер: оно составлялось в начале XVI в., во время войны между Россией и объединенными силами Польши и Литвы. Б. Д. Греков подчеркивает, что польский историк стремился прежде всего убедить читателя в правильности своих политических взглядов, из-за чего излагаемые им сведения далеко не всегда являлись достоверными [11, с. 8–9]. С. В. Перевезенцев и А. Б. Страхов, в частности, считают, что основной его целью было формирования у читателя понимания, что в Восточной Европе существуют две территории, на которых проживают русские люди. Одна из них – «Россия», входящая в состав Великого княжества Литовского, а другая – агрессивная «Московия», чьи попытки захватить «Россию» должны быть пресечены [25, с. 77]. Учитывая вышесказанное, стоит скептически воспринимать содержание «Трактата о двух Сарматиях».

Автором, который оказал большое (если не определяющее) влияние на формирование мифа о «русском рабстве», можно считать известного путешественника Сигизмунда фон Герберштейна (1486–1566 гг.). В «Записках о Московии» он сообщает, что «все они [русские] называют себя *chłopi*, т. е. рабами государя. Те, кто познатнее, имеют рабов, чаще всего купленных или взятых в плен. Те же свободные, которых они содержат в услужении, не могут свободно уйти, когда им угодно <...>. Этот народ находит больше удовольствия в рабстве, чем в свободе. Ведь по большей части господа перед смертью отпускают своих рабов на волю, но эти последние тотчас отдают себя за деньги в рабство другим господам» [8, с. 239].

Из приведенного отрывка можно заметить, что у Герберштейна «рабство» русских имеет двоякую природу. Во-первых, это экономическое и юридическое явление: часть населения страны по закону находится в зависимом положении от своих хозяев. Во-вторых, это характеристика политических и культурных отношений: русские привыкли жить в рабстве, они склонны унижаться перед своими господами и лично перед царем.

Здесь следует сделать отступление. Герберштейн, говоря о «русском рабстве», отсылается в первую очередь к термину «холоп». Поэтому его позиция по данному вопросу впоследствии будет регулярно воспроизводиться в европейских источниках, для настоящего исследования важно подробнее изучить вопрос о реальном положении холопов в России на рубеже XV–XVI в. Если обратить внимание на юридическую и экономическую сторону вопроса, то в России действительно существовала такая категория несвободного населения. Она восходила еще к законодательству XI в., в частности к Русской Правде; согласно этому своду законов, обельным (полным) холопом признавалось лицо, попавшее в личную и имущественную зависимость от другого человека [15, с. 11–12]. Холоп оставался в таком положении до конца жизни, и его статус передавался по наследству [15, с. 17–18]. Стать им можно было двумя основными путями: в принудительном порядке (или по независящим от человека обстоятельствам, например в случае плена или по рождению) или добровольно (продажа себя в присутствии свидетеля, женитьба на холопе или поступление на службу тиуном или ключником) [39, с. 148]. Холоп при этом считался собственностью владельца, и тот нес ответственность за поведение своего холопа [39, с. 149].

В подобной форме данный правовой институт просуществовал вплоть до второй половины XV – начала XVI в., когда в нем произошел ряд изменений. Как утверждала

Е. И. Колычева, холоп более не считался лишь одним из видов собственности владельца, а был наделен определённой степенью правоспособности и дееспособности [17, с. 242–243]. Часть норм Русской Правды, ранее применявшаяся к холопам, более не использовалась (например, этот статус более не брался во внимание в случае, если рассматривалось дело о драке) [17, с. 209]. Более того, согласно Судебнику 1497 г., холоп мог участвовать в правовых отношениях, быть истцом и ответчиком в суде [37, с. 75]. Таким образом, с юридической точки зрения к моменту, когда Герберштейн посетил Россию (в 1517 и 1526 гг.), в стране сохранялся правовой институт холопства – часть населения находилась в зависимом положении. Однако он изменился; приравнивание холопов к рабам могло иметь место вплоть до XV в., однако в рассматриваемый период оно кажется не вполне корректным.

Отдельного рассмотрения требует утверждение Герберштейна о том, что владельцы отпускают холопов на волю, «но эти последние тотчас отдают за деньги в рабство другим господам». Уместно задаться вопросом о том, существовала ли практика, когда холопы даже после обретения свободы возвращались в зависимое состояние. Здесь следует обратить внимание на тот факт, что, как утверждает ряд специалистов, холопы на рубеже XV–XVI вв. не входили в податное население [17, с. 119]. Поэтому кажется логичным, что для людей, которые значительную часть своей жизни (или всю жизнь) не платили налоги, с экономической точки зрения наиболее выгодным решением было вернуться в статус холопа. Однако важно сделать две оговорки. Во-первых, даже если такие случаи и имели место, то они не носили массовый характер – об этом не удалось найти информацию ни в одном историческом источнике или научной работе на рассматриваемую тему. Во-вторых, как считает Е. И. Колычева, податными не облагались только те холопы, которые не имели своего надела [17, с. 126]. Получается, что решение вернуться в зависимое положение, чтобы избежать необходимости платить налоги, могло быть актуальным только для очень узкой категории холопов. Так что и это утверждение Герберштейна является преувеличением и не вполне описывает реальное положение дел.

Наконец, обратимся к тезису о том, что русские сами называют себя холопами и, следовательно, признают себя рабами государя. А. А. Горский замечает, что форма обращения «холоп» изначально использовалось крымскими ханами и ханами Большой Орды и означала в первую очередь вассала или зависимого правителя. Причем зависели они конкретно от хана, который в русских источниках обозначался словом «царь» [10, с. 220]. Поэтому, когда в конце XV в. Россия обрела независимость, а ее правитель Иван III сам стал претендовать на царское достоинство, знатные люди начали называть себя, соответственно, «холопами», т. е. вассалами не просто московского князя, а царя [10, с. 221–222].

Альтернативное объяснение (которое, впрочем, не противоречит позиции Горского, а, скорее, дополняет ее) предложили С. В. Перевезенцев и А. Б. Страхов. Они утверждают, что подобное обращение к государю носило религиозный характер и свидетельствовало о стремлении «православных жителей России в полной мере соответствовать библейским установлениям, согласно которым царь, дарованный людям Господом Богом, владеет всем в своем царстве <...>; жители царства – рабы царя, но при этом царь – защитник народа; ответчик за народ перед Богом» [25, с. 81].

Из приведенных выше фактов следует, что Герберштейн необоснованно приравнивал «холопов» к «рабам» и сделал вывод о том, что «рабство» есть свойство русского народа. Однако именно его трактовка «русского рабства» впоследствии стала общим местом для подавляющего большинства европейских текстов о России, где фигурировал данный термин. Этому способствовали два фактора. Первый – огромная популярность произведения Герберштейна; А. Е. Ельницкий указывает, что за один только XVI в. оно было переиздано двенадцать раз [13, с. 7]. Второй – сложившаяся во второй половине XVI в. политическая обстановка. Россия вступила в Ливонскую войну, что спровоцировало рост антирусских настроений во многих государствах Европы [26, с. 84–85].

Так, Альберт Шлихтинг (? – после 1570 г.) называет «рабами» принадлежащих знатным людям крестьян (например, описывая расправу над князем Ростовским, автор говорит: «также и его рабов, в количестве более сорока <...>, они бросили в тюрьму») [40, с. 20]. О «рабском» положении русских людей упоминает и Александр Гваньини (1538–1614 гг.): «Все московиты или русские довольствуются более состояние рабским, чем свободным, выдающимся блюстителем которого они считают собственного государя» [12, с. 83]. Он практически дословно копирует Герберштейна, замечая, что весь народ уничижительно называет себя холопами, и признает, что «все их движимое и недвижимое имущество, которым они лично владеют, принадлежит не им, а великому князю» [12, с. 83]. Польский историк и дипломат Рейнгольд Гейденштейн (1553/56–1620 гг.) воспроизводит этот же сюжет об унижительном самоназвании: он утверждает, что, когда люди обращаются к царю, «они не только не употребляют имени отца, но даже не пишут своего, разве только в некотором испорченном виде <...>, для того, чтобы показать, что они в сравнении с государем не только рабы, но как бы маленькие человечки, а не люди» [7, с. 28]. Папский легат Антонио Поссевино (1533–1611 гг.) отдельно подчеркивает, что рабство русских связано не столько с их природой, сколько с их тяжелым материальным положением. Он считает, что люди настолько долго пробыли в имущественной зависимости от господ и своего правителя, что «стали утверждать, что они сами живут и благоденствуют, если живет и благоденствует князь» [28, с. 48–49].

Заметим, что все вышеперечисленные авторы в своих работах намеренно демонизировали Россию, пытаясь добиться таким образом если не формирования антирусской коалиции, то нарушения отношений между европейскими державами и Россией. Так, по сообщениям А. И. Малеина, померанец Альберт Шлихтинг во время Ливонской войны попал в русский плен в 1564 г. и бежал из него около 1570 г. [21, с. 4–5]. В том же году папа Пий V намеревался заключить союз с русским царем против Османской империи и назначил послом польского нунция Портико. Шлихтинг встретился с Портико и убедил его в нецелесообразности проводить переговоры с царем, в красках описав жестокость и безнравственность последнего [21, с. 3]. Цитируемый в настоящей статье текст является письменными свидетельствами Шлихтинга, которые Портико отправил в Рим в обоснование своего решения [21, с. 3]. Итальянец Александр (Алессандро) Гваньини во время Ливонской войны служил при дворе польского короля Сигизмунда II, был комендантом Витебска и организовывал оборону города от русских войск [18, с. 397]. В 1578 г. он опубликовал подробный историко-географический труд про Восточную Европу, частью которого являлось «Описание Московии» [18, с. 397]. Очевидно, он описывал противника Польши как государство безжалостных варваров и дикарей. Рейнгольд Гейденштейн был секретарем и доверенным лицом польского короля Стефана Батория. В 1584 г. он написал «Записки о Московской войне», которые с высокой долей вероятности были отредактированы польским канцлером Яном Замойским и лично Стефаном Баторием [5, с. 12]. Отчасти поэтому, отчасти потому, что Гейденштейн никогда не был в России, текст «Записок» полон фактических ошибок, а также ярких негативных оценок русского государства. Наконец, Антонио Поссевино в 1581–1582 гг. в качестве посла от папы римского Григория XIII посетил Москву; его задачей было убедить царя вступить в союз с Римом, чтобы совместными усилиями нанести поражение туркам [9, с. 9]. Потерпев неудачу, Поссевино перебрался в Польшу, где в 1585 г. издал ряд трактатов, в числе которых была «Московия» [9, с. 13–14]. В ней он не только стремился очернить русских людей и их правителя, но и предлагал план того, как можно было бы влиять на Россию с целью смены власти и замены православия на католичество.

В XVII в. отношения между Россией и европейскими государствами стали более нейтральными, сменив собой характерную для предыдущего столетия скрытую или открытую вражду. Стороны были заинтересованы в политическом и экономическом взаимодействии. Россия налаживала торговлю с Европой для пополнения казны

и восстановления страны после Смуты. Также, поскольку в начале XVII в. Россия потеряла ряд территорий, она нуждалась в военных специалистах и поставках вооружений для проведения активной внешней политики. В Европе происходил рост в таких отраслях, как текстильная промышленность и судостроение, что создавало высокий спрос на сырье, традиционно поставляемое из России. К тому же европейские государства в XVII в. активно участвовали в военных конфликтах, поэтому стремились сделать Москву своим союзником. Даже Польша, с которой Россия неоднократно воевала в течение XVI–XVII в., в итоге вошла вместе с ней и Австрией в антиосманскую «Священную лигу» [23, с. 15].

Однако изменение вектора взаимоотношений с противостояния на кооперацию не оказало значительного влияния на характер оценок русского общества в работах XVII в. Иностранцы все так же были невысокого мнения о России; миф о «русском рабстве» воспроизводился в текстах и этого периода. О нем пишет, например, Адам Олеарий (1599–1671 гг.), автор одного из самых известных сочинений о России XVII в. – «Описания путешествия голштинского посольства в Москву». Он, в частности, вносит новый смысл в уже устоявшуюся трактовку данного термина: Олеарий считает, что русские уже не в силу социально-экономических причин, а по природе своей являются рабским народом [24, с. 181]. К тому же они ленивы, и поэтому принуждать к работе их можно только «прибегая к побоям и бичам» [24, с. 181]. «Никакого недовольства они при этом не выказывают, т. к. положение их требует подобного с ними обхождения, и они к нему привыкли», – говорит он [24, с. 181]. «Рабство» русских он видит в том числе в обычае низко кланяться перед знатными людьми (по его мнению, это является унижением человеческого достоинства) и в жестокости русских законов: «За преступления вельможам назначаются столь варварские наказания, что по ним можно судить об их рабстве» [24, с. 181]. Как и Герберштейн, голштинский посол говорит и том, что русские «называются и должны считаться царскими холопами, то есть рабами и крепостными» [24, с. 184]. «Натура их такова, как умный Аристотель говорит о варварах, а именно, что «они не могут и не должны жить в лучших условиях, как в рабстве», – подытоживает Олеарий [24, с. 184].

Взгляды Олеария и других авторов XVII в. во многом повторяли друг друга. Французский военный Жак Маржерет (1565–1619/21 гг.) в своих мемуарах указывает на то, что власть русского царя имеет абсолютный характер в том числе потому, что «все жители страны, благородные и неблагородные <...>, называют себя холопами господаря, что означает рабы императора» [35, с. 133]. Голландский путешественник Ян Янсен Стрёйс (1630–1694 гг.) почти дословно копирует мысль Олеария: «Они рабы по природе и рождены для рабства, они весьма редко работают добровольно и без принуждения <...>. Они так привыкли к своему рабству, что, получив свободу <...>, снова продают себя в рабство» [36, с. 162]. Австрийский дипломат Августин фон Мейерберг (1612–1688 гг.) утверждает, что царь Алексей Михайлович «как господин над рабами <...>, имеет над всеми право жизни и смерти по своему произволению» [29, с. 115–116]. По мнению Мейерберга, он намеренно держит народ в страхе, бедности и невежестве, чтобы те не восстали и не «сбросили с себя гнетущее их деспотическое иго» [29, с. 111]. Польский историк Яков Рейтенфельс (? – после 1676 г.) пишет: «Вследствие того, что царь пользуется высшей и снисходительной властью над подчиненными, права дворян и народа почти одинаковы. Все зовут себя его рабами и смиренно прикрепощенными к земле» [30, с. 329].

Несмотря на то, что все вышеперечисленные авторы посетили Россию в разное время, были представителями разных стран и культур, они схожи в своих оценках русской действительности в целом и «русского рабства» в частности. Вероятно, на формирование такого мнения оказали влияние несколько факторов.

Во-первых, важную роль сыграли объективные политико-культурные противоречия между Россией и государствами Западной Европы. Россия в XVI в. представляла собой крупное централизованное государство, одно из претендентов на лидерство в европейской политике. Это привело к столкновению с Речью Посполитой,

а впоследствии с Швецией, опосредованно со Священной Римской империей и папской курией. Они воспринимали активную внешнюю политику этого нового неизвестного восточного государства как непосредственную угрозу своим интересам. Дополнительно этому способствовали межконфессиональные различия между католическими, протестантскими державами и православной Россией. Наиболее ярко это противостояние проявилось в годы Ливонской войны. В XVII в. его интенсивность снизилась, государства Западной Европы и Москва стали чаще сотрудничать, но объективные культурные, политические и религиозные противоречия все равно сохранялись. В этих условиях создание образа страны «рабов» под властью деспотичного правителя позволяло демонизировать Россию, подчеркнуть ее инаковость по отношению к Европе и делегитимизировать ее притязания на лидерство.

Во-вторых, необходимо упомянуть и то, что подавляющее большинство европейцев в XVI–XVII вв. или вообще ничего не знали о культуре России, или были с ней знакомы очень поверхностно [25, с. 73]. Анализ произведений показал, что авторы редко углублялись в тонкости местных правовых норм, традиций, сформировавшихся властных отношений. Более того, не все из них в достаточной степени владели русским языком. С прошествием времени многие сведения стали заимствоваться «со слов» других путешественников или из их сочинений, что способствовало тиражированию схожих суждений о России, в том числе отрицательных оценок и разного рода мифов (как, например, того, что рассматривается в настоящей статье). К тому же серьезные культурные различия между Западной Европой вынуждали путешественников объяснять неясные им феномены и социальные институты через призму знакомых категорий, в том числе использовать слово «рабство» для описания социально-политических отношений в русском обществе.

Эти два фактора привели к тому, что опубликованные в XVI–XVII вв. произведения о российском государстве (как те, что были проанализированы в настоящем исследовании, так и те, что не были в нем рассмотрены) сформировали своеобразный «интеллектуальный фон», через призму которого воспринималась Россия. Его смысловыми компонентами стали несколько идей, в том числе тезис о «рабстве русских». Подтверждением этому может служить тот факт, что многие из приведенных выше авторов воспроизводят похожие мысли, при этом или напрямую ссылаясь на своих предшественников или современников, или делая это косвенно, цитируя или заимствуя те или иные фрагменты (так, например, делают Олеарий [24, с. 51] и Мейерберг [3, с. 120]).

Впрочем, нужно отметить и то, что отношение русских к иностранцам в XVI–XVII вв. действительно было неоднозначным. Т. Л. Лабутина отмечает, что в это время в русском обществе сохранялась ксенофобия, обусловленная, с одной стороны, историческими причинами (Ливонская война, иностранная интервенция в годы Смуты и т. д.), а с другой – актуальными событиями (конкуренция, которую иностранцы создавали русским производителям, рост числа иноверцев, в частности католиков и т. д.). Она проявлялась у разных слоев населения – священнослужителей, торговцев, ремесленников и т. д., и, очевидно, способствовала формированию негативного отношения иностранцев к русским [20, с. 4].

Выводы

Таким образом, миф о «русском рабстве» зародился в западноевропейских источниках в середине – второй половине XVI в. В нем есть два базовых смысловых элемента: социально-экономический (бедность русских и их имущественная и личная зависимость от знатных людей и царя) и политико-культурный (особенность мировоззрения русских, которые смотрят на вышестоящих людей в социальной иерархии и на царя как на господ и готовы унижаться перед ними). Причем в XVII в. они были дополнены новыми идеями, в частности о том, что «русские являются рабами не в силу своего социального или юридического положения, а по своей природе», и о том, что «цари держат их в таком положении, иначе русские могут восстать».

Формирование мифа связано с некорректной интерпретацией русского термина «холоп». С экономической и юридической точек зрения оно означало категорию зависимого населения, которая к XV–XVI вв. уже получила ряд прав, что делало ее отличной от категории «раба». С политической точки зрения самоназвание «холоп» следует воспринимать не как попытку «унизить» себя перед государем, а наоборот, как желание подчеркнуть его высокий статус наравне с другими великими правителями у других народов.

Европейские путешественники, будучи выходцами из другой культуры, не разобрались (или не захотели этого сделать) в тонкостях российских законов, традиций и обычаев. Когда началась Ливонская война, характеристика русских как рабов оказалась удобна для того, чтобы воплести ее в общий образ врага – государства необразованных варваров под управлением жестокого царя-тирана – и использовать его для антирусской пропаганды.

Этот миф воспроизводился и в работах XVII в. Несмотря на то, что отношения России и европейских государств в этом столетии были более мирными, мнение путешественников о русском обществе не претерпело значительных изменений. Для них Россия оставалась «иной» страной с непохожей на их собственную культурой. Тезис о «рабстве русских» здесь служил другой цели – стать одним из обоснований того, что эта восточная страна не является и никогда не станет частью «цивилизованной Европы». В числе прочих негативных представлений о России, данный миф лег в основу идейно-теоретического комплекса западноевропейской русофобии. Проявления этого мифа можно проследить в том числе в европейских СМИ, которые, следуя схожей с текстами XVI–XVII вв. логике, формируют образ «агрессивной» «недемократичной» страны, где правит «авторитарный» президент и живут люди с «неверными», «незападными» ценностями и представлениями об общественно-политическом устройстве.

Список источников

1. Аделунг, Ф. П. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений / Ф. П. Аделунг. – Москва : Университетская тип., 1864. – 264 с.
2. Алпатов, М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XII–XVII вв.) / М. А. Алпатов. – Москва : Наука, 1973. – 477 с.
3. Алпатов, М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVII – первая четверть XVIII в.) / М. А. Алпатов. – Москва : Наука, 1976. – 456 с.
4. Алпатов, М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.) / М. А. Алпатов. – Москва : Наука, 1985. – 272 с.
5. Васильевский, В. Г. Предисловие // Записки о Московской войне (1578–1582) / В. Г. Васильевский. – Санкт-Петербург : Изд. археографической комиссии, 1889. – С. 1–78.
6. Великая Русь рыцаря де Ланноа. Первое Западное описание Руси // Родина. – 2003. – № 12. – С. 76–80.
7. Гейденштейн, Р. Записки о Московской войне (1578–1582) / Р. Гейденштейн. – Санкт-Петербург : Изд. археографической комиссии, 1889. – 331 с.
8. Герберштейн, С. Записки о Московии : в 2 т. / под ред. А. Л. Хорошкевич / С. Герберштейн. – Москва : Памятники исторической мысли, 2008. – Т. 1. – 776 с.
9. Годовикова, Л. Н. Предисловие // Исторические сочинения о России XVI в. («Московия», «Ливония» и др.) / Л. Н. Годовикова. – Москва : Московский ун-т, 1983. – С. 5–20.
10. Горский, А. А. Русское средневековье / А. А. Горский. – Москва : Астрель Олимп, 2010. – 226 с.
11. Греков, Б. Д. Предисловие / Б. Д. Греков // Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. – Москва – Ленинград : Академия наук СССР, 1936. – С. 7–10.
12. Гваньини, А. Описание Московии / А. Гваньини ; пер. и комм. Г. Г. Козловой. – Москва : Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1997. – 176 с.
13. Ельницкий, А. Е. Герберштейн, Сигизмунд / А. Е. Ельницкий // Русский биографический словарь А. А. Половцова. – Москва : Тип. Г. Лисснера и Д. Совко, 1916. – Т. 5. – С. 1–9.

14. Ермасов, Е. В. Миф о «Русской угрозе» в Германии: история возникновения и развития / Е. В. Ермасов // Материалы ежегодных Моисеевских чтений. – 2021. – Т. 7. – С. 537–545.
15. Ключевский, В. О. Происхождение крепостного права в России / В. О. Ключевский // Русская мысль. – 1885. – № 8. – С. 1–36.
16. Козулин, В. Н. Образ «Великой Руси» и русских в сочинении рыцаря Гильбера де Ланноа / В. Н. Козулин // Известия Алтайского государственного университета. – 2017. – № 2 (94). – С. 174–178.
17. Колычева, Е. И. Холопство и крепостничество (конец XV–XVI вв.) / Е. И. Колычева. – Москва : Наука, 1971. – 256 с.
18. Кудрявцев, О. Ф. Гваньини Алессандро / О. Ф. Кудрявцев // Культура Возрождения. – Москва : РОССПЭН, 2007. – Т. 1. – С. 397–398.
19. Лабутина, Т. Л. Англичане в допетровской России / Т. Л. Лабутина. – Санкт-Петербург : Алтейя, 2011. – 268 с.
20. Лабутина, Т. Л. «Свои» и «Чужие» в имэджинологии: ксенофобия в англо-русских отношениях в XVI–XVIII вв. / Т. Л. Лабутина // Вестник Российского государственного университета. – 2011. – № 31. – С. 1–20.
21. Малейн, А. И. Введение // Новое известие о России времен Ивана Грозного / А. И. Малейн. – Ленинград : Академия наук СССР, 1934. – С. 3–13.
22. Меховский, М. Трактат о двух Сарматиях / М. Меховский ; пер. С. А. Аннинского. – Москва – Ленинград : Академия наук СССР, 1936. – 97 с.
23. Наумов, Е. Ю. Внешняя политика России в XVII в.: на пороге «общей» Европы / Е. Ю. Наумов // Новый исторический вестник. – 2001. – № 4. – С. 1–19.
24. Олеарий, А. Описание путешествия в Московию / А. Олеарий ; пер. А. М. Ловягина. – Смоленск : Русич, 2003. – 480 с.
25. Перевезенцев, С. В. Рождение европейской русофобии (XV–XVII вв.). Статья первая / С. В. Перевезенцев, А. Б. Страхов // Вестник Московского государственного университета. Сер. 18: Социология и политология. – 2025. – № 2. – С. 64–88.
26. Перевезенцев, С. В. Рождение европейской русофобии (XV–XVII вв.). Статья вторая / С. В. Перевезенцев, А. Б. Страхов // Вестник Московского государственного университета. Сер. 18: Социология и политология. – 2025. – № 3. – С. 83–109.
27. Поляков, А. Н. Зависимое население в Древней Руси / А. Н. Поляков // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2006. – № 9. – С. 143–150.
28. Поссевино, А. Исторические сочинения о России XVI в. / А. Поссевино. – Москва : Московский университет, 1983. – 272 с.
29. Путешествие в Московию барона Августина Мейерберга. – Москва : Изд. Общества Истории и Древностей Российских при Московском Университете, 1874. – 252 с.
30. Рейтенфельс, Я. Сказания светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии / Я. Рейтенфельс // Утверждение династии. – Москва : Фонд Сергея Дубова, 1997. – С. 232–406.
31. Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев / подг. текстов, вступ. ст. и комм. Ю. А. Лимонова. – Ленинград : Лениздат, 1986. – 543 с.
32. Россия XVIII в. глазами иностранцев / подг. текстов, вступ. ст. и комм. Ю. А. Лимонова. – Ленинград : Лениздат, 1989. – 544 с.
33. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев / сост. Ю. А. Лимонов. – Ленинград : Лениздат, 1991. – 720 с.
34. Савельев П. С. Очерк путешествия в прибалтийские страны, Великий Новгород и Псков, совершенного рыцарем Гильбертом де Ланноа в 1412–1414 гг. / П. С. Савельев // Географические известия, издаваемые Императорским русским географическим обществом. – Санкт-Петербург : Тип. Министерства внутренних дел, 1850. – С. 17–35.
35. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи) / под ред. Ан. Береловича, В. Д. Назарова, П. Ю. Уварова. – Москва : Языки славянских культур, 2007. – 552 с.
36. Стрейс, Я. Я. Три путешествия / Я. Я. Стрейс ; пер. Э. Бородиной ; ред. А. Морозова. – Москва : Соцэкгиз, 1935. – 415 с.
37. Судебник 1497 г. Текст и комментарии // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под ред. О. И. Чистякова. – Москва : Юридическая литература, 1984. – Т. 2. – 419 с.
38. Флоря, Б. Н. Об одном из источников «Трактата о двух Сарматиях» Матвея Меховского / Б. Н. Флоря // Советское славяноведение. – 1965. – № 2. – С. 55–61.

39. Чичерин, Б. Н. Холопы и крестьяне в России до XVI века // Опыты по истории русского права / Б. Н. Чичерин. – Москва : Тип. Эрнста Барфкнехта, 1858. – С. 142–231.

40. Шлихтинг, А. Краткое сказание о характере и жестоком правлении московского тирана Васильевича // Новое известие о России времен Ивана Грозного / А. Шлихтинг. – Ленинград : Академия наук СССР, 1934. – 97 с.

References

1. Adelung, F. P. *Kritiko-literaturnoe obozrenie puteshestvennikov po Rossii do 1700 goda i ikh sochineniy* [A critical and literary review of travelers in Russia before 1700 and their writings]. Moscow: Universitetskaya tipografiya; 1864, 264 p.

2. Alpatov, M. A. *Russkaya istoricheskaya mysl i Zapadnaya Yevropa (XII–XVII vv.)*. [Russian historical thought and Western Europe (12th–17th centuries)]. Moscow: Nauka; 1973, 477 p.

3. Alpatov, M. A. *Russkaya istoricheskaya mysl i Zapadnaya Evropa (XVII – pervaya chetvert XVIII veka)* [Russian historical thought and Western Europe (17th century – the first quarter of the 18th century)]. Moscow: Nauka; 1976, 456 p.

4. Alpatov, M. A. *Russkaya istoricheskaya mysl i Zapadnaya Yevropa (XVIII – pervaya polovina XIX veka)* [Russian historical thought and Western Europe (18th century – the first half of the 19th century)]. Moscow: Nauka; 1985, 272 p.

5. Vasilevskiy, V. G. Predislovie [Preface]. *Zapiski o Moskovskoy voyne (1578–1582)* [Notes on the Moscow War (1578–1582)]. Saint Petersburg: Izdanie arkheograficheskoy komissii; 1889, pp. 1–78.

6. Velikaya Rus rytsarya de Lannoa. Pervoe Zapadnoe opisanie Rusi [Great Russia of the knight de Lannoy. The first Western description of Russia]. *Rodina* [Rodina]. 2003, no. 12, pp. 76–80.

7. Geydenshteyn, R. *Zapiski o Moskovskoy voyne (1578–1582)* [Notes on the Moscow War]. Saint Petersburg: Izdanie arkheograficheskoy komissii, 1889, 331 p.

8. Gerbershteyn, S. *Zapiski o Moskovii: v dvukh tomakh* [Notes on Muscovy: in 2 vols]. Ed. by A. L. Khoroshkevich. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli; 2008, vol. 1, 776 p.

9. Godovikova, L. N. Predislovie [Preface]. *Istoricheskie sochineniya o Rossii XVI v. ("Moskoviya", "Livoniya" i dr.)* [Historical Works on Russia in the 16th Century. ("Muscovy", "Livonia", etc.)]. Moscow: Moscow University; 1983, pp. 5–20.

10. Gorskiy, A. A. *Russkoe srednevekovie* [The Russian Middle Ages]. Moscow: Astrel Olimp; 2010, 226 p.

11. Grekov, B. D. Predislovie [Preface]. *Mekhovskiy M. Traktat o dvukh Sarmatiyakh* [Treatise on two Sarmatias]. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR; 1936, pp. 7–10.

12. Gvan'ini, A. *Opisanie Moskovii* [Description of Muscovy]. Transl. by G. G. Kozlova. Moscow: Greko-latinskiy kabinet Yu. A. Shichalina; 1997, 176 p.

13. Elnitskiy, A. E. Gerbershteyn, Sigismund [Herberstein, Sigismund]. *Russkiy biograficheskiy slovar A. A. Polovtsova* [Russian Biographical Dictionary of A. A. Polovtsov]. Moscow: Tipography G. Lissner i D. Sovko; 1916, vol. 5, pp. 1–9.

14. Ermasov, E. V. Mif o "Russkoy ugroze" v Germanii: istoriya vozniknoveniya i razvitiya [The myth of the "Russian Threat" in Germany: the history of its origin and development]. *Materialy ezhegodnykh Moiseevskikh chteniy* [Materials of the Annual Moiseyev Readings]. 2021, vol. 7, pp. 537–545.

15. Klyuchevskiy, V. O. Proiskhozhdenie krepostnogo prava v Rossii [The origins of serfdom in Russia]. *Russkaya mysl* [Russian Thought]. 1885, no. 8, pp. 1–36.

16. Kozulin, V. N. Obraz "Velikoy Rusi" i russkikh v sochinenii rytsarya Gilbera de Lannoa [The image of "Great Russia" and Russians in the work of knight Gilbert de Lannoy]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta* [Izvestia of Altai State University]. 2017, no. 2 (94), pp. 174–178.

17. Kolycheva, E. I. *Kholopstvo i krepostnichestvo (konets XV–XVI vv.)* [Kholopstvo and serfdom (late 15th–16th centuries)]. Moscow: Nauka; 1971, 256 p.

18. Kudryavtsev, O. F. Gvanini Alessandro [Guagnini Alexander]. *Kultura Vozrozhdeniya* [The Culture of the Renaissance]. Moscow: ROSSPEN; 2007, vol. 2, pp. 397–398.

19. Labutina, T. L. *Anglichane v dopetrovskoy Rossii* [Englishmen in Pre-Petrine Russia]. Saint Petersburg: Aleteyya; 2011, 268 p.

20. Labutina, T. L. "Svoi" i "Chuzhie" v imedzhinologii: ksenofobiya v anglo-russkikh otnosheniyakh v XVI–XVIII vekakh ["Ours" and "Strangers" in imaginology: xenophobia in Anglo-

Russian relations in the 16th–18th centuries]. *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Russian State University]. 2011, no. 31, pp. 1–20.

21. Malein, A. I. Vvedenie [Introduction]. *Novoe izvestie o Rossii vremen Ivana Groznogo* [New News about Russia during the Time of Ivan the Terrible]. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR; 1934, pp. 3–13.

22. Mekhovskiy, M. *Traktat o dvukh Sarmatiyakh* [A Treatise on two Sarmatias]. Transl. by S. A. Anninskiy. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR; 1936, 97 p.

23. Naumov, E. Yu. Vneshnyaya politika Rossii v XVII v.: na poroge “obshchey” Yevropy [Foreign policy of Russia in the 17th century: on the threshold of a “common” Europe]. *Novyy istoricheskiy vestnik* [Novyi istoricheskiy vestnik]. 2001, no. 4, pp. 1–19.

24. Oleariy, A. *Opisanie puteshestviya v Moskoviyu* [Description of a trip to Muscovy]. Transl. by A. M. Lovyagin. Smolensk: Rusich; 2003, 480 p.

25. Perevezentsev, S. V., Strakhov, A. B. Rozhdenie yevropeyskoy rusofobii (XV–XVII vv.). Statya pervaya [The birth of European Russophobia (15th–17th centuries). The first article]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 18 “Sotsiologiya i politologiya”* [Moscow State University Bulletin. Series 18 “Sociology and Political Science”]. 2025, no. 2, pp. 64–88.

26. Perevezentsev, S. V., Strakhov, A. B. Rozhdenie yevropeyskoy rusofobii (XV–XVII vv.). Statya vtoraya [The birth of European Russophobia (15th–17th centuries). The second article]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 18 “Sotsiologiya i politologiya”* [Moscow State University Bulletin. Series 18 “Sociology and Political Science”]. 2025, no. 3, pp. 83–109.

27. Polyakov, A. N. Zavisimoe naselenie v Drevney Rusi [Dependent population in Ancient Russia]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University]. 2006, no. 9, pp. 143–150.

28. Possevino, A. *Istoricheskie sochineniya o Rossii XVI v.* [Historical Writings on Russia of the 16th century]. Moscow: Moscow University; 1983, 272 p.

29. *Puteshestvie v Moskoviyu barona Avgustina Meyerberga* [Journey to Muscovy of Baron Augustine Meyerberg]. Moscow: Izdanie Obshchestva Istorii i Drevnostey Rossiyskikh pri Moskovskom Universitete; 1874, 252 p.

30. Reytenfels, Ya. Skazaniya svetleyshemu gertsogu Toskanskomu Kozme Tretemu o Moskovii [Tales to His Serene Highness the Duke of Tuscany, Cosimo III, about Muscovy]. *Utverzhdenie dinastii* [Establishment of the Dynasty]. Moscow: Fond Sergeya Dubova; 1997, pp. 232–406.

31. *Rossiya XV–XVII vv. glazami inostrantsev* [Russia of the 15th–17th centuries through the eyes of foreigners]. Leningrad: Lenizdat; 1986, 543 p.

32. *Rossiya XVIII v. glazami inostrantsev* [Russia of the 18th centuries through the eyes of foreigners]. Leningrad: Lenizdat; 1989, 544 p.

33. *Rossiya pervoy poloviny XIX v. glazami inostrantsev* [Russia of the first half of the 19th century through the eyes of foreigners]. Leningrad: Lenizdat; 1991, 720 p.

34. Savelev, P. S. Ocherk puteshestviya v pribaltiyskie strany, Velikiy Novgorod i Pskov, sovershennogo rytsarem Gilbertom de Lannoa v 1412–1414 gg. [An essay on a journey to the Baltic countries, Veliky Novgorod and Pskov, made by the knight Gilbert de Lannoy in 1412–1414]. *Geograficheskie izvestiya, izdavaemye Imperatorskim russkim geograficheskim obshchestvom* [Geographical News Published by the Imperial Russian Geographical Society]. Saint Petersburg: Tipografiya Ministerstva vnutrennikh del; 1850, pp. 17–35.

35. *Sostoyanie Rossiyskoy imperii. Zh. Marzheret v dokumentakh i issledovaniyakh: (Teksty, kommentarii, stati)* [The state of the Russian Empire. J. Margeret in documents and research: (Texts, comments, articles)]. Ed. by An. Berelovich, V. D. Nazarov, P. Yu. Uvarov. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur; 2007, 552 p.

36. Streys, Ya. Ya. *Tri puteshestviya* [Three Journeys]. Transl. Ye. Borodina; ed. by A. Morozov. Moscow: Sotsekgiz; 1935, 415 p.

37. *Sudebnik 1497 g. Tekst i kommentarii* [Sudebnik of 1497. Text and comments]. *Rossiyskoe zakonodatelstvo X–XX vekov: v devyati tomakh* [Russian Legislation of the 10th–20th Centuries: in 9 vols]. Ed. by O. I. Chistyakov. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1984, vol. 2, 419 p.

38. Florya, B. N. Ob odnom iz istochnikov “Traktata o dvukh Sarmatiyakh” Matveya Mekhovskogo [On one of the sources of the “Treatise on the Two Sarmatians” by Matvey Mekhovskiy]. *Sovetskoe slavyanovedenie* [Soviet Slavic Studies]. 1965, no. 2, pp. 55–61.

39. Chicherin, B. N. Kholopy i krestyane v Rossii do XVI veka [Serfs and peasants in Russia before the 16th century]. *Opyty po istorii russkogo prava* [Essays on the History of Russian Law]. Moscow: Tipografiya Ernsta Barfknekhta; 1858, pp. 142–231.

40. Shlihting A. Kratkoe skazanie o kharaktere i zhestokom pravlenii moskovskogo tirana Vasilevicha [A brief tale of the character and cruel rule of the Moscow tyrant Vasilyevich]. *Novoe izvestie o Rossii vremen Ivana Groznogo* [New News about Russia during the Time of Ivan the Terrible]. Leningrad: Academy of Sciences of the USSR; 1934, 97 p.

Информация об авторах

***Сорокопудова О. Е. – кандидат политических наук;
Степанченко Д. А. – студент.***

Information about authors

***Sorokopudova O. E. – Candidate of Political Sciences;
Stepanchenko D. A. – student.***

Вклад авторов

Сорокопудова О. Е. – научное руководство, разработка концепции исследования, обоснование цели статьи, формулирование выводов;

Степанченко Д. А. – подбор и анализ научной литературы, подбор и анализ источников, обобщение материала, написание исходного текста, формулирование выводов.

Information about the authors

Sorokopudova O. E. – scientific supervision, development of the study concept, justification of the article's purpose, formulation of conclusions.

Stepanchenko D. A. – selection and analysis of scientific literature, selection and analysis of sources, summary of the material, writing the original text, formulation of conclusions.

Статья поступила в редакцию 17.01.2026; одобрена после рецензирования 05.03.2026; принята к публикации 31.03.2026.

The article was submitted 17.01.2026; approved after reviewing 05.03.2026; accepted for publication 31.03.2026.